

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1917 ГОД В ОРЕНБУРГСКОМ И КУБАНСКОМ КАЗАЧЬИХ ВОЙСКАХ: ВОПРОС УПРАВЛЕНИЯ В КАЗАЧЬИХ ОБЛАСТЯХ

Происходившие в стране потрясения 1917 года не обошли стороной и российское казачество. Складывавшееся веками из самых разнородных в национальном и социальном плане элементов, оно к 1917 году превратилось в весьма влиятельное военно-служилое сословие с немалой собственностью, особыми правами, привилегиями и обязанностями, главной из которых была военная служба. Общая численность казаков в стране накануне Февральской революции составила более четырех миллионов человек. Из поколения в поколение военная служба в казачьем сословии являлась первейшей обязанностью. В Первую мировую войну казачество дало российской армии несколько сотен тысяч человек. Удельный вес мобилизованных среди казаков был значительно выше, чем у других социальных групп и сословий. К тому же это были наиболее подготовленные и наиболее дисциплинированные военные кадры. Как показало время, казачество представляло в условиях революций 1917 года и Гражданской войны весьма серьезную в военном отношении силу.

Вопрос о том, как проходила Февральская буржуазно-демократическая революция в казачьих областях страны, изучен достаточно хорошо. Там складывается пестрая система управления, в которую входили аппараты власти Временного правительства в лице исполкомов, его комиссары, казачьи органы, Советы, органы городского самоуправления.

Оренбургские казаки отнеслись к событиям начала 1917 года достаточно спокойно. В казачьих частях, как на фронте, так и в тылу (это касается всего казачества России), не было ни одного заслуживающего внимания противодействия переменам или хотя бы осуждения случившегося.

Революционная волна захлестнула, казалось, всех и вся. Знаменитый Приказ № 1 Петроградского Совета, введивший новые небывалые демократические порядки в армии, был встречен с явным одобрением простым казачеством и без особых возражений казачьим офицерством. Возможно, это случилось потому, что у казаков и раньше отношения между офицерами и низшими чинами отличались демократичностью.

На основании Приказа № 1 в частях и соединениях стали избираться комитеты, которые вскоре стали конкурировать по своему влиянию с ко-

мандным составом. Выборы показали, что весной 1917 года дифференциация среди казаков еще только начиналась. В комитеты избирались в основном по личным качествам, а не по партийной или политической принадлежности. Большинство историков считает, что на первых порах в комитетах преобладающим было эсеро-меньшевистское влияние.

Внешние перемены на первых порах проявились только в символике, когда уничтожались привычные символы и признаки свергнутой монархии. Воспитанные в традициях повиновения приказам казачьи командиры безоговорочно повиновались революционным властям. Революционная пропаганда, казалось, достигала успеха. Но при этом подавляющее большинство казаков, причем не только рядовых, не понимало смысла происходивших событий. Так, например, казаки могли идти на митинг с красными стягами и повязками на рукавах и одновременно петь восхваляющие царя песни [1, с. 3-4].

Если говорить об управлении казачеством в целом, то можно отметить, что оно разрушилось и в центре, и на местах. Раньше атаманов назначало правительство, а теперь это было неприемлемо. Атаманов стали выбирать в казачьем кругу, но они были не решительны и по привычке ждали указаний сверху. Можно сказать, что казачество распалось на мелкие части, не способные действовать сообща в трудных условиях. Плохую услугу казакам оказала теория о невмешательстве армии в политику. Казачьи офицеры оказались совершенно неподготовленными к политическому руководству казаками. Они умели командовать на войне, а рядовые казаки — только исполнять. В этой ситуации казаки проявляли интерес к газетам и листовкам, наводнившим тыл и фронт. Когда же рядовой приходил к офицеру, тот не мог объяснить политические вопросы, проанализировать содержание и выяснить суть.

Вследствие вышеизложенных причин усиливается социально-политическая дифференциация и назревает раскол в рядах казаков. Отражением этих процессов стало возникновение противоположных по своей политической ориентации органов казачества: левый — Центральный Совет трудового казачества и консервативный — Совет Союза казачьих войск. Последний сделал ставку на общность казачьих интересов и назвал себя представителем российского казачества. Возглавлял Совет оренбургский казак по происхождению войсковой старшина А. И. Дутов. По мере того как углублялась революция, борьба между двумя органами власти, как в центре, так и на местах, становилась все более непримиримой. Раскол в казачьей среде был достаточно ощутимым в процессе организации власти на местах. В первые же революционные дни в казачьих районах возникло даже не двоевластие, а троевластие:

комиссар Временного правительства, советы и собственно казачьи органы управления — атаманы с войсковыми правительствами. Власти ожесточенно конкурировали и боролись между собой, причем каждая стремилась привлечь на свою сторону побольше казаков, натравить их на конкурирующие структуры [3, с. 46].

Создание и организация деятельности Советов в казачьих районах страны были по существу одной из важнейших задач борьбы за влияние на казачьи массы. В начале июля 1917 года Совет казачьих депутатов организуется в Оренбурге, причем практически сразу объединяется с Советом рабочих и солдатских депутатов. По мере развития революции отношение казачества к Советам становилось все более определеннее. Меньшая, но более активная часть выступала в поддержку Советов. Большинство отдавало предпочтение казачьим органам самоуправления. В связи с проходившей в июле-сентябре 1917 года большевизацией Советов в казачьей среде нарастало негативное отношение к этим органам власти. С началом революции стала реорганизовываться система местного казачьего самоуправления. Наиболее характерная черта — это демократизация управления.

Прежние, назначенные правительством атаманы казачьих войск сразу же были смещены. Новые атаманы уже не назначались, а выбирались. Вопрос об избрании атаманов был важным, но далеко не единственным в организации казачьего самоуправления. В 1917 году была предпринята попытка осуществить, по сути дела, коренную реформу всех звеньев управления казачьими войсками. Весьма характерно в этом отношении «Положение о самоуправлении в Оренбургском казачьем войске», введенное в действие с апреля 1917 года. «Положение» было по существу попыткой осуществить на практике традиционные идеалы казачьей демократии или, по крайней мере, представления о том, какой должна быть казачья демократия. Четко прослеживается в этом документе стремление провозгласить принципы равенства казаков, выборности и подотчетности казачьей массе всех органов управления [5, с. 60].

Что касается аграрного вопроса, требования оренбургских казаков сводились к одному пункту — сохранить за собой имеющиеся земельные наделы и свои особые права на надельные земли, избавившись по возможности, от специфических казачьих обязанностей, связанных с военной службой. Весьма характерны в этом смысле решения Чрезвычайного круга Оренбургского казачьего войска, проходившего в сентябре-октябре 1917 года. Делегаты Круга практически единогласно высказывались за сохранение неприкосновенности казачьих земель. На этом фоне крестьяне были недовольны тем, что им не отдают помещичьи, а частично и казачьи

земли. Помещики остались недовольны тем, что их земли грозятся отнять и отдать крестьянам. Опасения такого рода были не чужды и казакам. Отсюда, стремление казачества к «обособлению».

Несомненно, одним из важнейших вопросов общественно-политической жизни страны 1917 года была проблема войны и мира. Для казаков, уже по причине практически поголовной мобилизации мужского населения на войну, это было особенно актуальным. Тем не менее казачьи части сумели даже в условиях революции и распада российской армии сохранить относительно высокую дисциплину и боеспособность. Но, разумеется, казачьи части оказались также подвержены разложению. Например, казаки очень часто братались на фронте с немецкими и австрийскими войсками. Имелись случаи невыполнения приказов воинскими частями на фронте и даже арестов командиров, что до революции в казачьих частях было невозможно представить.

Наконец, казачьи военные части самым решительным образом отказывались от выполнения полицейских функций, которые им пыталось навязать Временное правительство.

Для сравнения охарактеризуем общую ситуацию, сложившуюся после Февральской революции в Кубанском казачьем войске. Общеизвестным, по сути, является факт, что революция в казачьих областях Кубани на первых порах не принесла значительных видимых изменений. Она протекала здесь мирно и достаточно спокойно. Наказной атаман Кубанского войска М. П. Бабич объявил о подчинении новому правительству и продолжал управлять областью. Казачество Кубани в большинстве своем поддержало и приняло идеалы буржуазно-демократической революции, что обусловило ее мирный характер [7, с. 47].

После Февральской революции местный казачий аппарат управления никаких заметных, не говоря уже о кардинальных, изменений не претерпел. Конечно, не стоит впадать в крайность и считать, что Февраль прошел как бы в стороне от казачьих областей. Революция, безусловно, принесла известные политические изменения [8, с. 201].

Известно, что основным вопросом всякой революции является вопрос о политической власти. И официально на Кубани, так же и в других регионах страны, власть Временного правительства стала осуществляться посредством как сформированных на местах исполнительных органов, так и направленных сюда правительственных комиссаров — членов Государственной думы, в основном из кадетов-казаков. Курс Временного правительства был неслучаен, поскольку фактическая реальная власть сосредотачивалась в местных казачьих учреждениях — станичных и ху-

торских правлениях во главе с атаманами. Что касается Советов, то они в казачьих регионах не получили такого развития, как в целом по стране. Создание Советов в казачьих станицах было нечастым явлением. Как правило, они возникали там, где имелась значительная прослойка неказачьего населения. Таким образом, сложившееся в стране двоевластие в казачьих станицах и хуторах Кубани практически не существовало. На смену государственной власти казачье население в общем и целом реагировало спокойно. Со сменой государственной власти связывали надежды на скорый мир и окончание войны, на демократические свободы и справедливое решение земельного вопроса. Правящие круги стремились сохранить такую ситуацию для решения вопроса о власти на местах без эксцессов и какого-либо стихийного движения широких слоев населения, способного дестабилизировать ситуацию [8, с. 202].

Несмотря на видимое спокойствие, среди казачества чувствовалась определенная растерянность, обусловленная как отзвуками столичных бурь, так и неясностью дальнейшего развития событий на местах. К тому же в происходивших событиях казаки разбирались с трудом. Достаточно точно охарактеризовал сложившееся положение первый войсковой атаман Кубанского казачьего войска А. П. Филимонов: «Февральский переворот застал казачье население врасплох. Сущность и значение политических событий усваивались с трудом и вселяли в умы наиболее домовитых казаков большие тревоги» [2, с. 63].

Прежде всего казаки понимали, что смена старой власти может привести к изменению сложившихся устоев и порядков, также казаки беспокоились за свои права и войсковые земли. Их тревоги возрастали под влиянием усиливающихся требований коренного и особенно иногороднего крестьянства о разделе казачьих земель. Напряжение в отношениях казаков и крестьян росло очень быстро.

17 апреля 1917 года казачий съезд подтвердил создание Кубанской краевой войсковой рады и образование Временного Кубанского войскового правительства. Часть деятелей Рады, так называемые федералисты (Рябов, Быч), являлись сторонниками автономии Кубани и ее самостоятельного существования. Другие придерживались курса на разделение области в составе единой и неделимой России (А. П. Филимонов) [6, с. 501].

Июльский кризис дал толчок к объединению казачьих сил. Это был сложный и противоречивый процесс, в котором наряду со сторонниками демократии участвовали консервативные и контрреволюционные силы. В целом позиция казачества не выходила за рамки буржуазной революционности и в массе своей они не стремились к восстановлению старого режима. Такое стремление появилось в тот период, когда в России стал

ощущаться вакуум власти, стремительно падал престиж правительства, нарастали анархия и хаос, была дезорганизована и разваливалась армия, начался распад российской государственности. Росла незащищенность населения, в том числе и в собственно казачьих областях. Во второй половине 1917 года стало ясно, что ни местные гражданские комитеты, ни Советы не располагают возможностями улучшить положение. Среди военных и буржуазных кругов все более распространенными становятся настроения о главной роли казачьих войск в установлении порядка и демократии в России. В принятой на Всероссийском казачьем съезде резолюции о политическом устройстве страны говорилось: «Россия должна быть неделимой демократической республикой с широким местным самоуправлением». Разрешить эту задачу в одиночку было невозможно. Необходима поддержка силой. На Кубани создается союз — казаков с иногородцами и горцами. По мере ухудшения ситуации в стране переселенцы получили консервативные деятели казачества [4].

В ноябре вместо Кубанского войскового правительства было избрано Кубанское краевое правительство (председатель Быч). Оно не нашло широкой поддержки. Надежды на возвращение фронтовиков не оправдались. Казаки-фронтовики не поддержали правительство, так как считали, что оно выражает интересы атаманов и офицеров, но не трудового казачества. Отмечалось, что в октябре 1917 года Кубань приблизилась к смуте, так как не было единства в стане местного казачества [8, с. 302-303].

Как мы убедились, события, происходившие в 1917 году в Оренбуржье и на Кубани, были практически идентичными, не считая некоторых незначительных особенностей. Везде Февральская революция и отречение царя были восприняты спокойно. Стали организовываться Советы и местные казачьи органы власти. В Оренбуржье Советы играли большую роль, нежели на Кубани, и можно говорить об установлении в этой области двоевластия, даже троевластия: комиссары Временного правительства, Советы и местная казачья власть. На Кубани же в основном управляли местные казачьи органы власти.

И на Кубани, и в Оренбуржье происходила борьба казаков за свою землю, усилилось стремление к миру и демократизации. К октябрю 1917 года становится заметным раскол казачества по политическим взглядам, назревает активное противоборство сторон.

Стоит отметить, что Февральская революция обнажила многие негативные стороны казачьего устройства, отношения с правительством и другими социальными слоями и сословиями российского общества, что, в свою очередь, предвосхитило коренной надлом в сознании и положении казачества в России, а также активное участие казаков в будущих событиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917-1920 гг. — Шанхай: [б. и.], 1937. — 97 с.
2. Белое дело. Летопись белой борьбы. — Берлин: Медный всадник, 1927. — 236 с.
3. Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891-1945: биографический справочник. — М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. — 676 с.
4. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1 [Электронный ресурс]. — URL: http://thelibrary.ru/books/denikin_anton_ivanovich/krushenie_vlasti_i_armii_fevral_sentyabr_1917_g-read-26.html
5. Махрова Т. К. Самоуправление в Оренбургском казачьем войске // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* — 2005. — № 1 (17). — С. 56-69.
6. Очерки истории Кубани. С древних времен до 1920 года / под ред. В. Н. Ратушняка. — Краснодар: Свободная Кубань, 1996. — 656 с.
7. Скобцов Д. Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. — М.: Кучково поле, 2015. — 544 с.
8. Трут В. П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. — М.: Яуза: Эксмо, 2007. — 544 с.